

# С похорон Льва Разгона

Вы будете смеяться, но во мне действительно нет ни капли еврейской крови. Но я не чувствовал себя чужим среди старых-пре-старых евреев, собравшихся в Центральном Доме литераторов в пятницу. Их было там довольно много, они собрались на похороны Льва Разгона.

Еврея, вероятно. Я не хочу вдаваться, мне все равно. Мне важно на самом деле, каким он был человеком. Абсолютно жизнерадостным, лишенным мысли о мести. Совершенно штучным. Я, собственно, никогда не был с ним близко знаком, встречался и говорил несколько раз, случайно. Там были его друзья поглавнее меня. Наверное, практически все. Но ведь он был мне симпатичен. И, что самое удивительное, я ему тоже. Не знаю, чем я заслужил такую милость. Может быть, ему вообще все люди были симпатичны, во всяком случае это казалось мне очевидным во время двух или трех встреч.

Ведь злых людей нет на свете, прав был тот арестант в Иерусалиме, которого нашему русскому Булгакову вздумалось по-арамейски назвать Иешуа Га-Ноцри. Нет, не в том смысле, что никто не взорвал двумя днями раньше целый дом, убив одним махом сто разных человек. Что нет в мире зла, боли и плача. Есть, много. Это звучало в странной, мало знакомой мне музыке во время панихиды по Разгону. Но было в ней и другое — то, о чем так терпеливо толковал Понтию Пилату Иешуа: «Злых людей нет на свете, игемон» (начальник). Это не в буквальном, это немножко в ином, онтологическом смысле слова. И Пилат, начальник в общем неплохой, понял, но поздно, увы.

А покойный-то Разгон это знал, вероятно, врожденным образом. Есть такие люди, я встречал еще, хотя их мало. Их глаза так устроены: они не видят зла. То есть видят, конечно, потому что не

слепы, но как бы полагают его явлением скорее необязательным, случайным, даже нелепым, а потому и смешным. А зачем, в самом деле, зло? Кто-нибудь может ответить мне на этот вопрос?

Мне кажется, Разгон (Господи, да ведь фамилия-то какая русская!) ни на кого не умел держать зла. Которого ему смолodu было причинено много, очень много. Но если бы он думал об этом зле и держал его в сердце, он бы погиб. А он семнадцать лет выжил в лагерях и, видимо, мало там изменился. Там еще была в фойе его фотография из какой-то газеты: молодой Разгон на лесоповале, год сорок шестой, наверное. Сидит себе на сваленной лесине, жизнерадостный, веселый такой, как будто это пикник.

Пришедшие на похороны евреи тоже не все только плакали и скорбели, а радостно здоровались, иногда шутили, матерились по-русски беззлобно. Но было грустно. Мне было ясно, что эти немногие собравшиеся и есть сердце и совесть моего народа. Все они были здесь, кому надлежало быть. А больше-то просто никто не пришел. И, видимо, временно куда-то ушла эпоха.

Одна близко знавшая его женщина рассказала мне удивительную историю. За несколько дней до смерти, в больнице, Разгон вдруг проговорил ей: «Надо возрождать в местечках культуру на идиш». Или что-то в этом роде, но она решила, что он бредит. Лева, о чем ты, что с тобой? Ведь ты гражданин мира, и нет уже никаких местечек, есть только ойкумена, весь мир, прозрачный во все стороны, как сам Интернет. Совершенно русский по духу человек, при чем тут идиш, он его, скорее всего, и не знал никогда.

Но, может быть, это было так высказанное пророчество умирающего? Ведь уже нет нашей родной и великой Москвы, превращенной в одно помпезное пепелище, почти сплошь населенное какой-то так называемой политической или коммерческой нежиз-



Ч Е Л О В Е К

Леонид НИКИТИНСКИЙ,  
обозреватель «МН»

тью. Но и впрямь в каком-то смысле в России еще остались «местечки», где теплится жизнь. Так надо культивировать, добыть ее оттуда. И, конечно, идиш тоже ни при чем. Но надо потихонечку, как-нибудь ненавязчиво, исподволь возрождать птичий интеллигентский язык, который вроде бы в тех же самых словах, иной раз даже и матерных, но подразумевает все же, что существуют и ценности непрактические и непрактичные.

Тут вопрос изжеванный, но вечный и, к счастью, видимо, неразрешимый, поскольку неразрешимость и есть основа движения. Тут раскол гораздо дальше и глубже: в русском народе давно уже живут два, которые, говоря на одном и том же лингвистическом языке, не всегда хорошо понимают друг друга. Ценности, подразумеваемые за одинаково звучащими словами, слишком разные. Есть, короче, боль России, интеллигенция, никуда она не делась, ряды ее временно сильно поредели, но все же это семя, видимо, невозможно истребить. А значит, следует что-нибудь делать.

Ну ладно, слова были отговорены, стали прощаться. Запел на незнакомом языке чей-то удивительный голос, но я не сдержался и тайком перекрестился у гроба. Думаю, никто из них на меня не обиделся. Ну, бывает. Некоторые верят в правоту Иешуа из Назарета, которого некоторые из них не признают Богом. Но в конце концов разве он лично кому-нибудь что-нибудь сделал плохого?

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ. - 1999. - 14 сент. - с. 7.

Разгон Лев

14.9.99